

УДК 332, 327

Т. Н. Букреева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», старший преподаватель,
Курск, e-mail: tnbinchina@yandex.ru

А. В. Попова

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», старший
преподаватель, Москва, e-mail: anystap@gmail.com

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИЧИН ПРОЯВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В КИТАЕ

Ключевые слова: международный терроризм, Синьцзян, социально-экономические противоречия, террористические организации.

Экономические, а если смотреть шире, социально-экономические, проблемы и диспропорции в национальных государствах и мировой экономике в целом привели в 20 в. к возникновению ряда событий, оказавших существенное влияние на мировое сообщество. Во-первых, это две мировые войны; во-вторых, значительная миграция населения из менее экономически развитых стран в более развитые; в-третьих, развитие и расширение международного терроризма как системного явления. Таким образом, одной из причин прогрессирования терроризма являются экономические процессы, а также использование подобных организаций для достижения конкретных геополитических и экономических целей. Итак, терроризм стал одной из наиболее актуальных проблем современного мира, большинство стран в той или иной форме столкнулись с проявлениями терроризма. В Китае проблема терроризма тесно связана с проявлениями сепаратизма и экстремизма в районах проживания национальных меньшинств. В статье рассматриваются факторы распространения терроризма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, к которым можно отнести социально-экономические противоречия, а также религиозно-националистические идеи, получившие распространение в регионе. На основании проведенного анализа в работе делается вывод, что успехи реализации китайским правительством социальных и экономических реформ в Синьцзяне свидетельствуют о том, что распространение терроризма и экстремизма в регионе не имеет экономического обоснования и, прежде всего, связано с радикальными идеями этнического сепаратизма и религиозного экстремизма. Для успешной борьбы с деятельностью международных террористических организаций усилия китайского правительства должны быть направлены на устранение условий, создающих благодатную почву для деятельности террористических групп, а также на расширение международного сотрудничества по противодействию терроризму.

Т. Н. Bukreeva

Southwest State University, Senior Lecturer, Kursk, e-mail: tnbinchina@yandex.ru

А. V. Popova

Moscow City University, Senior Lecturer, Moscow, e-mail: anystap@gmail.com

ANALYSIS OF SOCIO-ECONOMIC AND ETHNOPOLITICAL REASONS FOR THE MANIFESTATION OF INTERNATIONAL TERRORISM IN CHINA

Keywords: international terrorism, Xinjiang, socio-economic contradictions, terrorist organizations.

Economic, and if to look more broadly, socio-economic problems and imbalances in national states and in the global economy in the 20th century led to a number of events that had a significant impact on the world community. Firstly, the First and Second World Wars; secondly, a significant migration of the population from less economically developed countries to more developed countries; thirdly, the development and expansion of international terrorism as a systemic phenomenon. Therefore, one of the reasons of the evolution of terrorism is economic processes, as well as the use of such organizations to achieve specific geopolitical and economic goals.

Thus, terrorism has already become one of the most relevant problems in the modern world, and most countries in the world have, in some form faced terrorism. In China, the problem of terrorism is closely related to the manifestations of separatism and extremism in areas where ethnic minorities live. The paper studies the factors spreading terrorism in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region; they are socio-economic contradictions and religious nationalism ideas that have spread in the region. Based on the analysis, the work concludes that the successes of the Chinese government in implementing social and economic reforms in Xinjiang indicate that the spread of terrorism and extremism in the region has no economic justification and, above all, is associated with radical ideas of ethnic separatism and religious extremism. To successfully combat the activities of international terrorist organizations, the efforts of the Chinese government should be aimed at eliminating the conditions that create fertile ground for the activities of terrorist groups, as well as at expanding international cooperation in the fight against terrorism.

Введение

20 век и начало 21 века имеют характерные черты, которые не присущи иным периодам развития человечества. Среди них, помимо ускорения научно-технического прогресса и глобализации можно отметить международный терроризм, ставший в последнее время одной из основных сил на мировой геополитической арене. Причем отдельные страны используют вышеотмеченный фактор в противостоянии со своими стратегическими противниками. Наиболее известным является «исламский терроризм», «исламский фундаментализм», который проявляется практически во всех странах, где часть населения исповедует ислам, однако не только религия является причиной террористических настроений. При этом терроризм, в данном случае является, порой, лишь средством экстремизма и сепаратизма, ярким примером чему является ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая.

Цель работы – исследовать динамику качества жизни населения СУАР, а также социально-экономические и этнополитические факторы, обуславливающие проявления международного терроризма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. В рамках поставленной цели особое внимание уделяется качеству жизни населения СУАР, рассмотренные через призму показателей социально-экономического развития района в сравнении с общекитайскими.

Материал и методы исследования

Теоретические и практические исследования по вопросам международного терроризма и этническим проблемам в Китае посвящены работы следующих китайских исследователей: Чжан Лицюань, Сюй Цзюньхуа, Дин Фаньпин, Ло Синьцин и др.

В работах данных авторов исследуются особенности проявления терроризма и сепаратизма в Китае и влияние внутренних и внешних факторов на безопасность и стабильность в северо-западном регионе Китая.

Отдельно отметим работы российских ученых, исследования которых посвящены вопросам национальной политики Китая и проблемам социально-эко-

номического развития автономных районов Китая: Лазарева Т.В., Буяров Д.В., Корсун В.А., Ставров И.В.

В рамках данного исследования применялся широкий набор исследовательских методов: системный анализ, сравнительный анализ, междисциплинарный подход.

Результаты исследования и их обсуждение

22 ноября 2001 г. официальный представитель МИД КНР Чжан Циюэ в ответ на заявление высокопоставленных должностных лиц Министерства обороны США о том, что уйгуры из Синьцзяна воют на стороне талибов (преимущественно, Афганистан), прокомментировала, что те, кого американская сторона называет «китайскими уйгурами», на самом деле является террористами «Восточного Туркестана» (террористическая организация). Чжан Циюэ отметила, что террористические силы этой организации тесно связаны с международными террористическими силами, и сотни членов этой группировки прошли соответствующую подготовку в Афганистане. Таким образом, прослеживается международный след в деятельности террористов «Восточного Туркестана», в связи с чем Китай готов объединить усилия с международным сообществом для борьбы со всеми террористическими силами.

Летом 2002 г. заместитель государственного секретаря США Р. Армитидж официально заявил, что Госдепартамент США считает сепаратистское восточно-туркестанское исламское движение в Синьцзяне террористическим (т. е. иностранное государство признало организацию террористическим). В 2007–2008 гг. в преддверии проведения летних Олимпийских игр в Пекине Китай столкнулся с мощной волной террористических выступлений, которые хоть и удалось подавить, но события получили большую огласку в мире. Новая веха борьбы с терроризмом главным образом на территории Синьцзяна наступила в 2013 г., когда китайское правительство провозгласило начало реализации инициативы «один пояс, один путь», в которую вовлечены ряд стран Центральной Азии и непосредственно Синьцзян-Уйгурский автономный район, исторически являющийся

центральный коридор Шёлкового пути. Согласно американской глобальной базе данных по терроризму, 60 % стран, расположенных вдоль «одного пояса, одного пути», характеризуются стабильностью и безопасностью, 25 % стран входят в зону риска и могут быть подвержены террористическим угрозам, 15 % стран находятся в зоне высокого риска, к ним, прежде всего, относятся Ирак, Пакистан, Афганистан, Сирия, это те страны, в которых террористическая деятельность представляет прямую угрозу для жизни населения внутри страны и за ее пределами [1, с. 136].

В настоящее время Китай готовится к проведению зимних Олимпийских игр 2022 г., поэтому проблема обеспечения безопасности, готовность противостоять террористическим угрозам и быстрое реагирование на внештатные ситуации является первоочередной задачей для целого ряда силовых органов Китая. При этом представители органов власти Китая отмечают необходимость развития международного сотрудничества в сфере противостояния терроризму и сепаратизму.

Одной из отличительных черт современного терроризма является его интернационализация, связь представителей сепаратистских организаций с международными террористическими организациями, которые оказывают финансовую поддержку «борцам за независимость» и представителям «угнетенных народов».

Анализ влияния социально-экономических условий в СУАР на существование ячеек международных террористических организаций в Китае

Можно выделить следующие основные условия, обуславливающие распространение терроризма и экстремизма в мире:

– социально-экономические противоречия: бедность, безработица, коррупция, неграмотность, дискриминация и т. д.;

– наличие предпосылок политического, религиозного и т. п. характера для осуществления экстремистской деятельности организациями или отдельными лицами.

Рассмотрим отдельные показатели социально-экономического развития Синьцзяна. Так, в 2007 г. на XVII съезде КПК в докладе председателя Ху Цзиньтао нашли отражение такие важные позиции

КПК и КНР по национальному вопросу на современном этапе, как установка на гармоничное развитие всех народов, населяющих Китай, курс на достижение подлинного национального равенства, ориентация на развитие национальных районов, на сохранение института районной национальной автономии [2, с. 55].

Эта идея была полностью поддержана нынешним председателем КНР Си Цзиньпином, который в речи, произнесенной на брифинге Государственной комиссии по этническим вопросам в 2015 г., подчеркнул: «... что касается внутренних этнических отношений, то на основе равенства и единства национальностей, мы постепенно добьемся общего процветания и прогресса всех этнических групп. Развитие национальных районов и этнических групп является приоритетной задачей, связанной с единением страны и укреплением ее границ, национальным единством и социальной стабильностью, национальным долгосрочным порядком и миром, процветанием всей китайской нации» [3].

Экономические реформы, направленные на комплексное развитие Синьцзяна, свидетельствуют о реализации планов по развитию национальных районов.

Китайское правительство в последнее десятилетие предприняло целый ряд мер для стимулирования социально-экономического развития Синьцзяна, решение вопросов, связанных с бедностью неханьцев и повышением уровня жизни коренного населения автономного района.

Как видно из таблицы, за анализируемый период 1999–2017 гг. все показатели постоянно увеличиваются, однако темпы роста валового продукта района несколько превышают динамику вышеуказанного показателя в расчете на душу населения (28,87 и 19,67 %). При этом рост более чем в 1,5 раза за период 2013–2017 гг. объема базовых капиталовложений свидетельствует о долгосрочном плане экономического развития СУАР. В то же время 40 % рост среднедушевого дохода сельского населения за четыре года, косвенным образом, свидетельствует о социальном развитии региона.

Динамика основных социально-экономических показателей СУАР [4, с. 101; 5]

Основные экономические показатели	1999	2003	2013	2017	2017/2013, %
ВВП, млрд юаней	116,3	187,7	844,4	1088,2	128,87
ВВП на душу населения, юаней	6443	9828	37 552,90	44941	119,67
Базовые капиталовложения, млрд юаней	52,3	97,3	773,23	1179,56	152,55
Среднедушевой доход сельского населения, юаней	1504	2106	7847	11045	140,75

В дополнении к вышеприведенным данным по СУАР можно представить следующую информацию за 2017 г.:

- общие поступления в бюджет Синьцзяна – 146,55 млрд юаней (рост на 12,8%);
- объем железнодорожных перевозок – 97,37 млн тонн (рост на 41,1%);
- производство электроэнергии – 301,1 млрд кВтч (рост на 10,7%);
- годовой баланс финансовых учреждений в иностранной валюте – 21,753,1 млрд юаней (рост на 12,7%);
- количество туристов, посетивших Синьцзян – 107 млн чел. (рост на 32,4%);
- расходы туристов – 182,2 млрд юаней (рост на 30%).

В целом по Китаю ВВП в 2017 г. – 82,71 трл юаней (доля СУАР – 1,32%); базовые капиталовложения по всей стране – 63,17 трл юаней (СУАР – 1,87%). Если рассмотреть объем инвестиций по укрупненным регионам Китая (своеобразным макрорегионам), то можно заметить, что в восточный регион инвестиции составили 265,537 млрд юаней (рост на 8,3% по сравнению с предыдущим годом); в центральный регион – 163,400 млрд юаней (рост на 6,9%); в западный регион (сюда относится Синьцзян) – 166,571 млрд юаней (рост на 8,5%); в северо-восточный регион инвестировали 306,55 млрд юаней (рост на 2,8%).

ВВП на душу населения в Китае за 2017 г. составило 59 660 юаней (в СУАР – 44 941 юаней); среднедушевой доход сельского населения по стране – 13 432 юаней, в СУАР – 11 045 юаней.

В 2017 г. Центральное правительство Китая из государственного бюджета выделило 839 млн юаней на программу переселения бедного населения, программа рассчитана на строительство жилья для 839 бедных семей, из расчета в среднем 10 млн юаней на семью.

К 2020 г. будет достигнуто переселение населения под лозунгом «два спо-

койствия, три гарантии», то есть люди из бедных районов будут обеспечены едой и одеждой, им будет гарантировано обязательное образование, базовая медицинская помощь и жилье [6].

Результаты вышеприведенного анализа свидетельствуют об успехах правительства в преодолении бедности в Синьцзяне и снижению социальной напряженности. Таким образом, неоднократные заявления американского аналитического центра «Новая Америка» о том, что региональная экономическая отсталость в Синьцзяне «вынудили» большое количество уйгуров вступить в международную террористическую организацию «Исламском государстве» не имеют экономического обоснования.

Религиозные и этнополитические предпосылки террористической деятельности в Синьцзяне

В 1990-х годах прямая угроза сепаратистских настроений в северо-западном регионе страны привлекла пристальное внимание китайского правительства. Растущая нестабильность в регионе была, прежде всего, связана с соседними странами Центральной Азии: политическими процессами на территории бывших Советских республик, серьезными проблемами в социально-экономической сфере в этих странах, а также проблемами идеологического плана на постсоветском пространстве. Практически во всех центральноазиатских странах в той или иной мере возникла острая проблема политизации ислама, которая стала главным предвестником распространения религиозного экстремизма и терроризма в регионе [7, с. 280]. С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» писал: «Игнорировать влияние Исламского возрождения на Восточное полушарие в конце двадцатого века – это все равно, что игнорировать влияние протестантской Реформации на европейскую

политику в конце шестнадцатого столетия» [8]. Эта цитата полностью подтверждается развитием событий в начале 90-х годов 20 в. в Центральной Азии.

Одним из течений, побудивших представителей этнических групп северо-запада Китая к совершению действий «национально-освободительного» характера, стал пантюркизм. Именно после распада Советского Союза в бывших Центрально-азиатских республиках (Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и Туркменистане) наблюдался рост интереса к пантюркизму.

Пантюркизм как идейное течение сформировался в конце XIX века и превратился в доктрину с яркой политической направленностью в начале XX века. Эта доктрина предполагает создание Великого Турана как результат объединения всех тюркоязычных народов с последующим распространением зоны его влияния на территории всех народов туранского происхождения. В начале 1992 г. тогдашний глава кабинета министров Турции С. Демирель выдвинул цель создания «великого тюркского мира от Адриатики до Великой Китайской стены» [7, с. 476].

В Китае представители тюркоязычных народов компактно проживают на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района, Суньхуа-Саларского автономного уезда провинции Цинхай, Цишишань-Баоань-Дунсян-Саларского автономного уезда провинции Ганьсу, Аксай-Казахского автономного уезда провинции Ганьсу. Самой многочисленной этнической группой из числа тюркских народов на территории Синьцзяна являются уйгуры, исповедующие ислам. Число приверженцев ислама в Синьцзяне составляет 60% от общей численности мусульман в Китае и около 50% от общей численности населения Синьцзяна. Умеренность политики КПК в отношении религиозного вопроса началась с 1993 г. Тогда стали появляться научные публикации, в которых поднимался вопрос о гармонизации отношений религии и социализма, которые как бы подготавливали почву для политических решений. В ноябре 1993 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь заявил, что религия и социализм взаимно соответствуют друг другу. Таким образом, в стране начался период «политики

свободы религиозных вероисповеданий» [9, с. 157]. Послабление в религиозном вопросе обернулось тем, что Синьцзян стал мишенью организаций и группировок происламистской направленности, стремящихся на почве религии дестабилизировать обстановку в регионе.

Идея единения тюркских народов нашла свое воплощение не только в мирном развитии тюркоязычного мира в рамках концепции «тюркского альянса», призывающая к «тюркизации, модернизации и исламизации», но и получила активную идеологическую подпитку у экстремистки настроенных террористических организаций, например, у Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ). В 2002 г. ИДВТ была признана Госдепартаментом США террористической организацией. В декабре 2003 г. Министерство общественной безопасности КНР впервые опубликовало список первых утвержденных террористических организаций и террористов «Восточного Туркестана», в этот список вошло Исламское движение Восточного Туркестана.

На сегодняшний день можно говорить о том, что эволюция идеологии ИДВТ прошла путь от уйгурского национализма, борьбы за независимый Уйгурстан до призывов к джихаду как единственному пути спасения для мусульманских народов Восточного Туркестана. Идеология ИДВТ претерпела ряд существенных изменений в результате сближения движения с другими радикальными организациями в конце 1990-х – середине 2000-х гг. Особую роль в этом сыграло Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Влияние ИДУ способствовало усилению пантюркистской составляющей в идеологии ИДВТ, что в конечном итоге, привело к изменению названия организации на Исламскую партию Туркестана [10].

Согласно неполным статистическим данным, к концу 2001 г. в Китае и за его пределами насчитывалось более 50 ответвлений организаций «Восточного Туркестана», основными из них являются «Восточно-Тюркский Информационный Центр», «Исламская Хэзболла Восточного Туркестана», «Восточно-Туркестанская исламская партия», «Восточно-Туркестанская оппозиционная партия», «Организация освобождения Восточного

Туркестана», «Восточно-Туркестанская молодежная партия», «Восточно-Туркестанская народно-революционная партия», «Восточно-Туркестанская национально-освободительная организация», «Демократический Альянс Тянь-Шань», «Синьцзянская исламская партия Тянь-Шань», «Партия независимости» и т. д. [11, с. 110].

Наиболее лояльно к сторонникам ИДВТ относятся в Турции. Согласно китайским источникам в этой стране проживает около 35 000 уйгуров, среди которых есть немало последователей «Восточного Туркестана». Многие из приверженцев «Восточного Туркестана» и других сепаратистки настроенных организаций имеют определенное влияние в политической, научной, культурной и военной сферах Турции. У некоторых организаций есть свои фонды, они выпускают печатную продукцию, регулярно проводят акции в защиту прав человека, свободы вероисповедания и интересов национальных меньшинств, организуют международные конференции и митинги; через правые организации, правозащитные группы и политические партии пытаются оказывать влияние на турецкое правительство при принятии внешнеполитических решений, которые не всегда благоприятно сказываются на развитии китайско-турецких отношений.

Ложное восприятие турецкой стороной политики Китая в отношении Синьцзяна, сформированное посредством сторонников «Восточного Туркестана», создает определенные трудности для реализации турецкой стороной проектов в рамках «Одного пояса, одного пути», что является важной составляющей стратегического партнерства с Китаем. По словам научного сотрудника Китайской академии военных наук Ло Синьцинь: «Со стороны Китая, мы должны активизировать наши усилия, чтобы показать турецкой общественности достижения Синьцзяна за последние годы, познакомить с национальной и религиозной политикой Китая в Синьцзяне, позволить турецкому народу понять Синьцзян и реальную жизнь мусульман в Синьцзяне и постепенно разрешить их враждебное отношение и недопонимание» [12].

Другой международной террористической организацией, о связях уйгуров с которой регулярно сообщают китайские СМИ, это «Исламское государство» (запрещена в РФ). Открыто Китай стал объектом «Исламского государства» после выступления лидера этой террористической организации аль-Багдади.

В американском издании «Phoenix Weekly» №22 от 2014 года было опубликовано выступление лидера запрещенной террористической организации «Исламское государство» аль-Багдади, в котором он пригрозил захватить всю Западную Азию, Северную Африку, Испанию, Центральную Азию, индийский субконтинент и Синьцзян. В своей речи аль-Багдади перечислил целый ряд стран и регионов (Китай, Индия, Палестина, Сомали, Аравийский полуостров, Кавказ, Марокко, Египет, Ирак, Индонезия, Афганистан, Филиппины, шиитский Иран, Пакистан, Тунис, Ливия, Алжир), в которых, по мнению террориста, права мусульман ущемляются, поэтому в этих местах требуется активное проведение «освободительных» мероприятий.

Китай занял первое место в списке аль-Багдади, он неоднократно упоминал автономный район Синьцзян, обвиняя китайское правительство в развертывании политики угнетения в отношении китайских мусульман, и призвал китайских мусульман стать на верный путь [13].

Китайские СМИ регулярно сообщают о связях уйгуров с «Исламским государством». «Они не только учатся совершать теракты, но и расширяют свои связи в международных террористических организациях», – писала китайская газета Global Times. Общую численность воюющих в рядах террористов граждан Китая газета «Жэньминь Жибао» оценила в 300 человек – при этом она ссылалась на «источники в органах безопасности Сирии» [14].

Таким образом, международные террористические организации используют религиозно-националистические идеи, а также идеи обретения независимости для воздействия на сознание отдельных социальных групп с целью достижения определенных результатов по дестабилизации внутривнутриполитической или внешнеполитической (при столкновении интересов нескольких стран) обстановки.

Выводы

Результаты анализа планомерно проводимых китайским правительством социально-экономических реформ в Синьцзян-Уйгурском автономном районе свидетельствуют об успехах в преодолении отсталости и бедности в Синьцзяне, что ведет к снижению социальной напряженности в регионе и повышению качества жизни населения региона (темп роста среднедушевого дохода сельского населения составил более 40% за период 2013–2017 гг.). При этом, рост капиталовложений в СУАР свидетельствует о долгосрочной стратегии экономического развития района. Однако активная деятельность международных террористических ор-

ганизаций, в т. ч. «Исламского движения Восточного Туркестана» и «Исламского государства», мобилизует подверженных сепаратистским идеям слои населения, усилиями террористических сил создаются разные по характеру и масштабу конфликтные ситуации в регионе: от открытых митингов и выступлений до крупномасштабных террористических актов. Таким образом, усилия китайского руководства должны быть направлены на устранение условий, создающих благодатную почву для деятельности международных террористических групп, а также на расширение международного сотрудничества между отдельными странами по противодействию терроризму.

Библиографический список

1. Сюй Цзюньхуа. Китайская международно-правовая стратегия международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в контексте инициативы «Один пояс, один путь» // Сюефа пинлунь. 2019. № 1. С. 136-146. (на кит. яз.).
2. Лазарева Т.Н. Национальная политика // Ежегодник Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. Институт Дальнего востока РАН. М.: «Русская панорама», 2008. С. 50. Библиографический список 58.
3. Ding Fanping. Xi Jinping: A well-off society should be built in an all-round way. [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0612/c40531-29333825.html> (дата обращения: 03.11.2019).
4. Ставров И.В. Национальная политика в системе модернизации Китая (1978–2002 гг.) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 101.
5. In 2017, Xinjiang's GDP exceeded the trillions. The service industry led the economic growth. [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1591983577020554741&wfr=spider&from=pc> (дата обращения: 30.10.2019).
6. Guo Ling. Central budgetary investment supports rural poverty alleviation projects. [Электронный ресурс]. URL: http://m.haiwainet.cn/middle/457179/2017/0405/content_30838542_1.html (дата обращения: 31.10.2019).
7. Возжеников А.В. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / под ред. А.В. Возженикова. М.: Эксмо, 2007. 528 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-samyuel-hantington/36144-stolknovenie-civilizaciy-samyuel-hantington/read/page-11.html#sel=26:213,26:238> (дата обращения: 01.11.2019).
9. Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / Отв. ред. Д.В. Буяров. Изд. стереотип. М.: КРАСАНД, 2015. 296 с.
10. Надточей И.В. Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_migu/2014/December/05Nadtochey1.pdf (дата обращения: 20.10.2019).
11. Чжан Лицюань. Влияние этнических проблем в Центральной Азии на этнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая с точки зрения геополитики: дис. ... д-ра полит. наук. Пекина, 2011. 156 с. (на кит. яз.).
12. Luo Xinqin. Expert: Turkey has a pan-truism plot. Many people don't know Xinjiang. [Электронный ресурс]. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJNi51> (дата обращения: 23.10.2019).
13. ISIS threatens to occupy Xinjiang after several years, its leader accuses China of its policy in Xinjiang. [Электронный ресурс]. URL: https://www.guancha.cn/Third-World/2014_08_09_254914.shtml (дата обращения: 01.11.2019).
14. Коростиков М. Уйгурский джихад. Власти КНР обвиняют сепаратистов в связях с «Исламским государством» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2768223> (дата обращения: 31.10.2019).